

Валерий Всеволодович Керов
(Российский Университет Дружбы Народов, Москва)

Предприниматели-старообрядцы и взяточничество в России XIX в.: элементы деловой культуры или гражданская коррупция?

Взаимоотношения предпринимателей-старообрядцев и государственной власти представляют собой значительное поле исследований, которое имеет свои разделы. Аспекты, связанные с государственной политикой в отношении старообрядчества в целом и старообрядческого купечества, в частности, в целом изучены. В настоящее время продолжается рассмотрение этой проблемы в масштабах различных регионов. За последние годы защищен ряд диссертаций на эту тему по материалам Нижегородской, Владимирской и нескольких других губерний.¹

Другой аспект – отношение самих старообрядцев к государству и государственным органам власти. Здесь сделано еще больше. В этой проблематике ключевое место занимает анализ воздействия эсхатологии на отношение старообрядцев к государству и государственным органам. Эсхатология старой веры изучается уже не первое столетие. Относительно подробно изучены эсхатологические концепции различных согласий старообрядчества, характер эсхатологических ощущений староверов, а также влияние как учения так и его восприятия ревнителем древнего благочестия на их социальную практику. Историки пришли к выводу о том, что эсхатология воздействовала на складывание идейно-религиозной системы староверия и социально-политическую позицию его ревнителем, что «эсхатологической стороной идеология раскола... ближе всего соприкасалась с политической сферой». Выявлены связи эсхатологической и хилиастической идеологии старообрядчества с политической сферой, воздействовавшие на их отношение к государству.²

¹ О.В. Романская, *Старообрядчество в политической и экономической жизни Владимирской губернии XIX – начала XX в.*, mps autoreferatu rozpr. na st. kand., Moskwa 2002; А.В. Морохин, *Взаимоотношения старообрядчества и Русской православной Церкви в Нижегородской епархии (1672–1762 гг.)*, Niżny Nowogród 2005; i in.

² Patrz: П.С. Смирнов, *Внутренние вопросы в расколе XVII в. исследование из начальной истории рас-*

Здесь, впрочем, следует различать отношение староверов к Российскому государству и его главе. Уже для «отцов» старообрядчества хранителем православия стал не русский государь (как это было в Московской Руси), а русские города и веси, весь русский народ. В национально-религиозной эсхатологии установилась некоторая религиозно-демократическая гражданственность, сочетавшаяся с отрицательным отношением к государству. Но позже, к середине XIX в. староверческое предпринимательство окончательно и бесповоротно восприняло русское государство как национальное. В эпоху кризиса, особенно со времени падения Севастополя, их православно-державные взгляды сблизились со славянофильскими. Московские купцы-староверы, в том числе Т.С. Морозов, поддерживали газету «День», которую выпускал И.С. Аксаков. Ему же Т.С. Морозов, В.А. Кокорев, К.Т. Солдатенков и другие крупные старообрядческие предприниматели поручили редактировать ежедневную газету «Москва», фактически орган московского купечества. Тимофей Саввич лично дружил со славянофилом Ф.В. Чижовым, называя его своим духовником, что в устах истового старовера приобретает особое звучание.³

Во время польского восстания 1863 г. предприниматели-старообрядцы выступили с осуждением восставших в обращении, написанном И.С. Аксаковым, и собрали значительные средства на подавление восстания. Но речь шла не о примитивном «квасном патриотизме». В национальном аспекте для староверов важнее была принадлежность участников выступления, грозившего территориальной целостности Российского государства, к католичеству, чем социально-политические стороны восстания. Вместе со славянофильством взгляды предпринимателей-староверов эволюционировали в сторону панславизма в 1860–1870-е гг. Среди московских предпринимателей, составлявших в 1876 г. 10 % членов Славянского комитета, значительная часть (В.А. Кокорев, И.И. Четвериков, братья Хлудовы, братья Вишняковы и др.) была связана со старообрядчеством. Входивший в состав Комитета Т.С. Морозов жертвовал крупные денежные суммы, участвовал в организации выставок и других акций Комитета, в том числе в снаряжении и финансировании добровольческого отряда генерала Черняева в Сербии. В период русско-турецкой войны Морозов организовал и содержал лазареты для раненых,

кола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным, Sankt Peterburg 1898; И.Ф. Нильский, *Об антихристе против раскольников (в общепринятом изложении)*, Sankt Peterburg 1898; А. Бороздин, *Протопоп Аввакум*, Rostow nad Donem 1998; С.А. Зеньковский, *Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в.*, Moskwa 1995; Н.Н. Покровский, *Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.*, Nowosybirsk 1974; В.С. Румянцева, *Народное антицерковное движение в России в XVII веке*, Moskwa 1986; Н.Ю. Бубнов, *Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы, эволюция*, Sankt Peterburg 1995; Н.С. Гурьянова, *Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма*, Nowosybirsk 1988; Н.С. Гурьянова, *Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма*, [w] *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)*, Moskwa 1999; Н.С. Гурьянова, *Старообрядческое эсхатологическое учение и социально-политические мифы Нового времени*, [w] *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи*, Ulan-Ude 2001; А.И. Рогов, *Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII века*, „Вопросы истории“ 1973, № 4 i wiele in. POnadto nie ma prac poświęconych temu okrowsowi historii starowierów, dla którego nie przytaczano by tych lub innych punktów widzenia staroobrzędowców na kwestie nadejścia antychrysta i nastania „dni ostatnich“.

³ ОР РГБ [Oddział Rękopisów Rosyjskiej Biblioteki Państwowej, Moskwa], zesp. 332, inw. 41, sygn. 12–14; П.И. Шуккин, *Воспоминания*, Moskwa 1912, cz. 1, s. 24.

«Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев, сражавшуюся на Балканах.⁴

Staroobrzędowiec „popowszczyński”. Grawiura, XVIII w.

Староверы никогда не отказывались от своих монархических взглядов, но отношение к конкретным представителям дома Романовых и государственным чиновникам было иным. Оно в целом менялось от отрицательного к настроенному со смягчением эсхатологической доктрины у основной массы старообрядцев. В то же время, изданное в 1862 г. знаменитое Окружное послание 1862 г.⁵ привело к массовому движению «неокружников» и вскоре было дезавуировано. Старые антиэтатистские институты старообрядческой культуры отходили в прошлое, но очень медленно.

Отношения старообрядцев к российской бюрократии – третий аспект проблемы. Эти отношения почти полностью взяли на себя старообрядцы-

⁴ ЦИАМ [Centralne Historyczne Archiwum Moskwy], zesp. 357, inw. 1, sygn. 18, k. 11, 12, 14, 18 i in.; М.Л. Гавлин, *Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых*, Москва 1991, s. 55–57.

⁵ W wydanym w imieniu Rady Duchownej staroobrzędowców-popowców dowodzono, że „panująca cerkiew” nie zawiera „ducha antychrystów”, o konieczności modlitwy za sprawujących władzę, o nieprawości tezy o już dokonanym duchowym panowaniu antychrysta na świecie itd.

предприниматели, в ходе реализации основных функций старообрядческого предпринимательства. Эти функции в целом выявлены в литературе. Прежде всего речь идет о содержании общин, обеспечении их жизнедеятельности, увеличение их числа и влияния. Второе – защита общин от преследований властей; третье – воспроизводство, укрепление и расширение экономической базы конфессии.⁶ В рамках осуществления второй функции и развивались отношения старообрядческих хозяев с властями.

Старообрядчеству удалось использовать инструмент, который позволил не только сохранить старую веру, но и стабилизировать ее и в социальном плане и даже обеспечить значительное институциональное влияние на многие системы российского общества послепетровского периода. В этой важной связке: хозяйствование ревнителей древнего благочестия – стабилизация старообрядческих сообществ – сопротивление гонениям, ключевую роль сыграла российская коррупция. Коррупция в России не всегда и не во всех случаях играла отрицательную роль. Так, без использования коррупции старообрядчество не смогло бы достичь ни стабилизации сообщества, ни такого размаха и влияния, каким оно пользовалось даже в эпоху наиболее активных (после Софьи Алексеевны) репрессий в царствование Николая I. По мнению профессиональных «борцов с расколом», в частности Н.С. Субботина, даже в годы наибольших преследований старообрядчества не удалось покончить со старой верой из-за того, в частности, что «продажное чиновничество в значительной степени парализовало силу распоряжений» правительства, направленных против староверия.⁷

С самого начала существования центров старой веры старообрядцы пытались использовать коррупцию как традиционную черту российской бюрократии и не могли обойтись без отчислений властям и чиновничеству. Историки считают, что первые указы (прежде всего 1704, 1710, 1711 и 1714 гг.), дававшие «послабления» старой вере, были инициированы Меншиковым, получившим огромные взятки. Так, посылая Меншикову очередной подарок в виде живых оленей, выговцы выразили Светлейшему благодарность «за прежнее превысокого и чело-веколюбного господского заступления, имеже отъял еси от нас, бедных, гонения сень смертную». Для того «чтоб жить... за обороною знатных особ без опасу», федосеевцы смогли получить разрешение того же Меншикова основать свое обще-жительство на его землях в Ряпинской мызе.⁸

Относительно спокойной жизни общежителства киновиархи Выга достигали не только подношениями Петру I, Екатерине Алексеевне⁹ и Меншикову, но и другим представителям власти, для чего пользовались, по словам ренегата, перешедшего в официальное православие, «сребром и золотом... принесенными от прельщенных ими», и даже «сибирскими слитками, оттуду присылаемы-

⁶ Patrz: В.В. Керов, «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства, Moskwa 2004, rozdz. 5.

⁷ Н.С. Субботин, О сущности и значении раскола в России, Sankt Peterburg 1892, s. 25.

⁸ Patrz: Е.М. Юхименко, Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература, Moskwa 2002, s. 36, 41-42.

⁹ Katarzyna zażyczyła sobie mieć jelenie, i Wygowcy posyłali jej corocznie, wg pewnych danych, po 50-80 żywych jeleni, nazywając siebie „pielgrzymami” imperatorowej (Н.М. Никольский, История русской церкви, Moskwa 1983, s. 257).

ми». На часть и полученного выговское руководство «нищих притом питаше и снабдеваше»¹⁰, но основная часть помогала добиваться «послаблений». Можно ли было иным способом, по выражению Выгорецкого летописца, «добыть» в начале 1750-х гг. указы не брать с Выга рекрутов или «старопечатных книг из общины не отдавать»?²¹ В первой половине XVIII в. в Петербурге «жили почти постоянно по делам Выговской пустыни – пустынножители Яков Матвеев, Стахий Осипов, Федор Иванов», специально налажившие контакты с чиновниками и при дворе.¹²

На Повенецких заводах, а затем на Урале старообрядцы платили начальнику заводов Вилиму Геннину. Геннин, руководивший до Татищева уральскими заводами, вымогал у руководителей уральских старообрядцев деньги, объясняя, что «весьма разорился и якобы ему более 10 000 убытка стало» и «чтоб за показанные его благодеяния тот его убыток наградили» (что и было сделано). Консистория, в то же время, жаловалась, что не получает поддержки руководителя Уральского горнозаводского округа «в деле искоренения раскола».¹³ На Ветке в свое пребывание на землях польского князя Халицкого старообрядцы выплачивали ему огромные взятки и подношения.¹⁴

В других регионах сложилась аналогичная ситуация. В конце XVIII – первой половине XIX вв. огромную статью расходов старообрядчества составляли затраты не на содержание общин, а на обеспечение самого существования старообрядческого общества – взятки представителям власти и духовенству, позволявшие существовать старообрядческим обществам в условиях периодически возобновлявшихся репрессий.

Ярким примером является ситуация в Москве. Агенты полиции доносили, что здесь деньги и «средства промышленности» использовались старообрядцами прежде всего для поддержания и распространения «старой веры», в чем они вполне преуспевали.¹⁵

Старообрядцы всегда были в курсе затевавшихся против них мероприятий. Даже во второй половине XIX в. Н.С. Субботин писал К.П. Победоносцеву о том, что, как всем известно – «выгодным ремеслом – доставлять раскольникам секретные бумаги из министерских канцелярий – занимаются чиновники мелкого сорта».¹⁶ Старообрядцы всегда могли узнать, какие доносы на них «приняты», какие – «уважены», хотя стоило дорого (за информацию о прохождении доноса на духовного наставника федосеевцев С.С. Гнусина в 1836 г. заплатили 200 руб.).¹⁷ Полицейский «исследователь», «изучавший» старую веру в Костромской губернии, отмечал, что старообрядческое купечество Галича «посредством своих аген-

¹⁰ Г. Яковлев, *Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины*, Moskwa bd, s. 71.

¹¹ Там же, s. 153.

¹² Г.В. Есипов, *Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии*, Sankt Peterburg 1861, s. 319; А. Иоаннов, *Полное историческое известие о древних стригильниках и новых раскольниках...*, Sankt Peterburg 1855, s. 18 и др.

¹³ С.М. Соловьев, *Сочинения*, Moskwa 1993, ks. X, t. 19, s. 479, 480, 490–493.

¹⁴ *Раскольничьи дела А. Титова. Доноситель на раскольников*, bm., bd., s. 10.

¹⁵ *Дневные дозорные записи о московских раскольниках*, Moskwa 1885, s. 156.

¹⁶ В.С. Марков, *К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н.И. Субботина...*, Moskwa 1914, s. 201.

¹⁷ *Сборник правительственных сведений о раскольниках*, Londyn 1860, wyd. 1, s. 43.

тов следит за всеми действиями правительства и имеет сношения с преданными чиновниками». ¹⁸ Так же обстояли дела в Черниговской губернии ¹⁹ и во многих других регионах.

Но главной статьей расходов было ежедневное обеспечение жизни общины, в том числе богослужebной. Так, поморская монинская община в Москве не имела официального статуса и юридического права на существование, но быстро росла и развивалась. По данным полиции, это происходило благодаря тому, что в составе общины находились «богатейшие купеческие дома, покупающие у приходских священников [синодальной церкви] право исполнять свои обряды» и выплачивавшие взятки полиции. ²⁰

На «прокормлении» староверов различных согласий находилось множество служителей полиции: надзиратели, полицмейстеры, квартальные, приставы и пр. Так, «Книги записей по продажам товара... шерстяных изделий фабрики Гучковых» второй половины 1830-х – начала 1850-х гг. пестрят записями «подарено» без указания фамилии, хотя в остальных случаях записано: «2 платка такому-то продано». Причем «подарки» оказывались относительно крупными и дорогостоящими – 80, 129, 130 и до 320 руб. (в данном случае около тридцати дорогих платков Гучковской фабрики). «Дарились» и еще более дорогие платки стоимостью 23 руб. за штуку. В этих случаях «подарки» оплачивались наличными с указаниями: «денги Ефима Федоровича [Гучкова] или «Денги получены с Г[учкова]». ²¹ Очевидно, что единовременные закупки Гучковым большого количества относительно дешевых платков и тканей могли предназначаться лишь для «убогих» из преображенских богаделен, но частые штучные «подарки» самых дорогих изделий скорее использовались для подношений чиновничеству.

Еще более ясной становится система подношений при анализе обнаруженных книг «черной» бухгалтерии фабрики Гучковых. Помесячные ведомости содержат информацию о многочисленных тратах на взятки. Характер упоминаний мзды и «угощений» показывает, что речь шла не о т.н. «обыденной деловой коррупции», обращенной на облегчение предпринимательской деятельности, а о «коррупции гражданской», также представлявшей собой систему, но не связанную с предпринимательством, а обеспечивавшую функционирование общины.

Так, например, только в апреле 1853 г. «следовало расходов кассы Е.Ф. Гучкова»: «В Канцелярию обер-полицмейстера» (в каждом месячном счете 5–10 руб.); «Надзирателю за прописку...», «За Угощение служащих в Думе и Сиротского Суда...», «Писарям 3-го квартала...», «Части подарено...», «Надзирателям в Думе...» и т.д. ²² За 1851 г.: «следственному приставу Федотову – 10 [руб.], писарям его, унтерам, солдатам и проч. на праздники – 1,5», «в Лефортовской части писарям – 1,5», в окружном, в 1-м квартале – и т.д. В 1852 г. – на похороны чиновнику сиротского суда, столоначальнику и т.д., «На угощение чиновникам», «В губернской канцелярии угощение», «В канцелярии губернатора», «За угощение

¹⁸ Там же, s. 25.

¹⁹ Там же, s. 33.

²⁰ *Дневные дозорные записи...*, s. 156.

²¹ Patrz: ОПИ ГИМ (Oddział Źródeł Pisanych Państwowego Muzeum Historycznego, Moskwa), zesp. 122, inw. 1, sygn. 484, k. 1–72; sygn. 486, k. 1–128; i in.

²² ОПИ ГИМ, zesp. 122, inw. 1, sygn. 487, k. 141–v.

управских», «в Адресной Конторе подар[ено]...», «В Управе дано...», «в Управе для такого-то...», «За угощение управских...», «В канцелярию управских...», «В управу...» и т.д.²³

В результате городские власти прибегали к репрессиям лишь по приказам из Петербурга. «Влияние полиции на беспоповщинские секты в Москве находящиеся заключается... в их охранении», иронизировал агент полиции.²⁴ В случае же прямых действий центральных полицейских органов московские чиновники предупреждали руководителей общины. После поездки товарища министра внутренних дел П.И. Липранди, отвечавшего за борьбу со старообрядчеством, в Москву с целью уяснения ситуации «с расколом» агент полиции на Преображенке докладывал: «по прибытии Липранди в Москву приставы арбатской и тверской частей чрез квартальных надзирателей оповестили беспоповщинские молельни, чтоб прихожан на некоторое время в них не собиралось. Такое предупреждение удержало сходбища молебные».²⁵ Показательно, что, несмотря на доносы на подкупленных чиновников²⁶, последние оставались на своих постах.

В провинции подкуп был еще проще.²⁷ В XIX в. эта практика расширилась. Священник синодальной церкви И.С. Беллюстин так описывал ситуацию в середине XIX в.: цель всех мер «для обращения раскольников... кажется единственная – дать возможность обирать этих несчастных всем кто только имеет какое-либо отношение к ним. Беспощадно, страшно обирают их городская и земская полиция, губернская правления...». Староверы «поят и кормят их, дают им деньги и подарки и – презируют глубочайшим образом... Когда же и как истребится у нас эта язва? Тогда, когда городничие, исправники и высшие их не будут грабить раскольников – словом, кажется, никогда!!...».²⁸

По донесениям полицейских агентов, в некоторых районах Центра и Верхней Волги «начальство земской полиции» «освобождает даже всех без паспортов следующих и останавливаемых по подозрению, если они федосеевцы и начальники местных общин им известны».²⁹ В Нижегородской губернии староверы, – доносили агенты, – «поят духовенство» синодальной церкви и «подкупают земскую полицию». По показаниям содержательницы Норской старообрядческой молельной, для сохранения и нормального функционирования молельной, наставница заплатила исправнику 1400 руб. асс., объяснив на допросе, что она «поклонилась этими деньгами при обыске». Кроме того, исправник получил 315 руб. и попросил еще 1200 в долг, но не отдал, сказав, что «будет хлопотать в Петербурге». Деньги

²³ ОПИ ГИМ, зesp. 122, inw. 1, sygn. 487, k. 26, 131–140v., 141–141v.; sygn. 488, k. 9–10; sygn. 497, k. 69–96v.; i in.

²⁴ П. Любопытный, *Исторические очерки беглопоповщины на Иртыше с 1762–1866 года*, [w] *Сборник для истории старообрядчества*, red. Н. Попов, Moskwa 1866, t. 2, wyd. 4, s. 177; *Дневные дозорные записи...*, s. 18, 37, 177.

²⁵ *Дневные дозорные записи...*, s. 178.

²⁶ „Tworzeniem pism w sprawach Преображенского cmentarza u Guczkowa zajmuje się obecnie urzędnik 2-go departamentu izby cywilnej p. Wieljaminow”, – donosił władzom agent. Inny agent pisał, że Fiedosiejewców o obławach uprzedzają urzędnicy MSW: nadzorca Nikolin, policmajster Wereszczagin, a także ks. Wjaziemskij (*Дневные дозорные записи...*, s. 5, 37).

²⁷ Там же, s. 69.

²⁸ [И.С.Беллюстин], *Описание сельского духовенства*, [w] В.А. Федоров, *Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917)*, Moskwa 2003, aneksy, s. 383–384.

²⁹ *Дневные дозорные записи...*, s. 162.

также выплачивались и другим уездным чиновникам по делу, а также «по существующему обыкновению при поздравлении с праздниками... добровольно без всякой просьбы и вынуждения».³⁰ В саратовской губернии также старообрядцы использовали обращение «в свою пользу послабления местного начальства и духовенства... посредством денег. Первым ослаблялось... вообще исполнение постановлений о разных ограничениях раскольников». Чтобы «покрывалось наружное присоединение к [официальному] православию и действительное нахождение в расколе», священникам синодальной церкви давали двойную плату за, якобы, совершающиеся духовные требы.³¹

В начале 1850-х гг. были организованы экспедиции по выявлению старообрядцев в Центральных губерниях. Во главе этих групп были поставлены значительные лица, известные своей неподкупностью. Экспедиции в различных губерниях возглавили И.И. Синицын, председатель Санкт-Петербургской уголовной палаты, чиновник МВД П.И. Мельников, члены государственного совета Брянчанинов, бывший Ставропольский губернатор, Л.И. Арнольди, бывший Калужский вице-губернатор и др. В тайне от старообрядцев были проведены масштабные обследования, включавшие и вопрос о взаимоотношениях ревнителей древнего благочестия и гражданских и церковных властей на местах.

Полицейские «исследователи» отмечали, что везде «полицейские служители зависят» от староверов, «местная полиция находится здесь совершенно под влиянием», «земская полиция находится на содержании» староверов, что старообрядчество, «по местному крестьянскому выражению, есть золотой клад» для местных властей. Старообрядец «знает, что при следствии он всегда откупится от земской полиции, которая или скроет вовсе или сделает маловажным его преступление» – писал проверяющий чиновник МВД.³²

Эти данные подтверждаются и другими источниками. В отчете Саратовского губернатора начала XIX в. делался вывод, что старообрядчество «неистребимо», так как «хитрости... [старообрядцев] состояли в обращении в свою пользу послаблений местного начальства и духовенства, чего они иногда достигали посредством денег».³³

Систему «взаимодействия» властей и староверов веры ярко описал один из современников – свидетель подобных процессов в Вольске, где постоянно, даже «при самых гонительных временах» тайно пребывал и проводил службы священник беглопоповцев, окормлявший огромную территорию:

В большие праздники [...] старообрядцы снаряжали своих стариков. [...] старики шли к полицеймейстеру. И здесь их встречали добрым словом. Взаимное уважение скреплялось двумя-тремя стами рублей.

³⁰ Сборник из истории старообрядства, опрас. Н.И. Попов, Moskwa 1864, s. 159–161.

³¹ П. Любопытный, Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе..., s. 163–164.

³² Дневные дозорные записи..., s. 46, 69; Сборник правительственных сведений о раскольниках, Londyn 1861, wyd. 2, s. 22–25; wyd. 4, s. 2, 51, 318.

³³ П. Любопытный, Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе..., s. 163–164; Дневные дозорные записи..., s. 111; Сборник правительственных сведений о раскольниках, wyd. 2, s. 1 i in.; Н.В. Прокофьева, Старообрядцы и приходское духовенство Верхнего Поволжья в XIX – начале XX вв.: эволюция взаимоотношений, [w] Старообрядчество: история, культура, современность, Moskwa 2000, s. 159–160

– Будьте спокойны, – провожал их хозяин, – от меня стеснения не будет. Только лишнего не позволяйте.

Затем происходил дружеский разговор с приставом и помощником его. Их праздничный бюджет тоже приятно освежался. Не забывались и прикосновенные к делу городовые. Один из городских [во время службы] стоял на постоянном посту при молельной и дружески раскланивался с молящимися.

Его значение было довольно серьезное. Если бы случайно приезжий чиновник или иной какой ревизор вздумал внезапно нагрянуть в моленную, городской должен был подать условный сигнал и пока у калитки возились и кряхтели над непослушным засовом, который долго не поддавался усилиям усердного сторожа, в моленной происходила волшебная перемена; священник сбрасывал ризы и скрывался в тайной глубине одного из близлежащих домов, все священнические принадлежности быстро запирались в сундуки, царские двери в иконостас заставлялись широкими старинными иконами, а на середину амвона выходил тихий и кроткий старичок Лаврентий Ефимыч, который благолепно „замолитвовал“ и читал все, что полагается наставнику. Ревизор наглядно убеждался, что никакого беглого священника здесь и следов нет, и отправлялся во свояси, причем, если выражал некоторый намек, то получал здесь же на месте единовременную прибавку к жалованью. Иногда для поддержания более близкого знакомства блюститель [порядка], который покрупнее, заходил на квартиру к попечителю моленной.

– Не знаю, как быть, – озабоченно говорил он, – что-то у вас в моленной не совсем ладно. Слухи вы пускаете. Получил я одну бумагу. Не вышло бы чего... – И потом мимоходом, глядя в сторону, прибавлял рассеянно, – хлопот полон рот: дома все расходы; придется, должно быть, заехать к одним знакомым, занять рублей двести-триста.

Попечитель сочувственно вздыхал и развертывая бумажник, говорили „уж дозвольте вам доверить! Чего же ездить утруждать? Триста рублей не бо-знат что: всегда могём. Отдадите когда деньги скопятся“ [...]

Долги подобного рода списывались на счет расходов моленной.³⁴

В счете «приходорасходчика» старообрядческого общества, найденном Т.А. Верховским в Стародубье, среди расходов «при [нелегальном] водворении [старообрядческого] священника» также указывались взятки – «земскому исправнику (при сей верной оказии) 100 рублей. Заседателю тоже 100 рублей и г. становому 80 рублей».³⁵

В районах, где старообрядцы проживали относительно компактно, ревнители древнего благочестия полностью контролировали ситуацию благодаря коррумпированности властей и полиции. В крупном старообрядческом центре посаде Лужки в тайной староверческой церкви служил беглый священник. Узнав об этом, черниговский губернатор приказал задержать его и доставить в Чернигов. Местные полицейские чины в течение длительного времени отвечали, что для этого «нет никаких средств». В результате в лужки была послана губернская воинская команда – «батальон» во главе с майором. Староверы, по свидетельству участников событий, встретили команду «хлебом-солью». Целый год стояли солдаты в посаде, а их командир «пил-ел», в том числе на свадьбах и похоронах, где

³⁴ И. Жилкин, *Старообрядцы на Волге*, Saratow 1905, s. 44–45.

³⁵ Т.А. Верховский, *Записки о его жизни, составленные им самим*, Sankt Petersburg 1877, cz. 1, s. 454–455.

вел службу старообрядческий священник, и доносил в Чернигов, что «раскольнического попа Павла взять нет никакой возможности».³⁶

Способы обеспечения функционирования старообрядческого сообщества нашли отражение даже в духовных стихах. Так в первой половине XIX в. церковные власти вели активную борьбу за закрытие Городецкой часовни, служившей главным храмом для старообрядцев Нижегородского и Костромского Заволжья». Показательно, что, несмотря на запреты, часовня была преобразована в храм, над ней был возведен купол, построена звонница. Местные светские власти затягивали дело, и никакие усилия официального духовенства не достигали цели. Однажды даже обратились к Николаю I с предложением отдать часовню под единоверческий храм. «Император идею поддержал, – пишет исследователь, – но этому решительно воспротивились городецкие старообрядцы» (! – В.К.), а вскоре они увеличили число колоколов на звоннице. В результате часовню закрыла лишь советская власть в 1933 г.³⁷ В одном из духовных стихов середины XIX в. раскрывается «секрет» сохранности часовни и описываются способы выживания старOVERия:

«Нут-ко, мужие, старайтесь,
От новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте,
В Москву, Питер поезжайте;
Раздавайте, не шадите,
Длительность делу ищите
И все меры принимайте,
Церковь строить не пушайте.
...В противность же что случится,
То мы должны откупиться...
А ревностны богачи,
Торговые брадачи,

Сильно за сие возстанут,
От часовни не отстанут;
Поверенных изберут,
Тысяч много им дадут...
Будьте в деньгах щедроваты;
...Время купли наступает,
Власть к часовне приступает,
Вы же сильны богачи,
Часовенны толмачи,
Кладовые отпирайте,
Тем только и взять,
Что тысячи развязать...».³⁸

Откупались староверы не только на уровне писарей, следователей и полицеймейстеров. Взятки, получавшиеся в том числе высокими чиновниками, делали свое дело, обеспечивая староверию возможность существования и расширения. В результате влияние старообрядцев уже в первое десятилетие XIX в. было очень значительным.

Показательно описание похорон И.А. Ковылина в письме Луки Терентьева, ученика Ковылина и наставника Преображенской общины: на поминках «именитого дворянства... исчислить невозможно». «Начали от самого света собираться... какие дворяне и именитые граждане каретами от будки [у входа на территорию Преображенского богаделенного дома] до ограды [соборной часовни Успения Богородицы] наполнили. А что прочих извожиков, тех место не вместило, заняли от будки по улице... много из мирских лучших, также из дворян обоего пола впускаемы были», в том числе обер-полицеймейстер Москвы генерал-майор Ивашкин, полицеймейстер, московский комендант и др.³⁹

³⁶ Там же, s. 527–528.

³⁷ Patrz: А.В. Седов, *Многострадальный храм, [w] Старообрядчество: история, культура, современность*, Moskwa 2004, wyd. 10, s. 90–92.

³⁸ Т.С. Рождественский, *Памятники старообрядческой поэзии*, Moskwa 1909, s. 42–43.

³⁹ *Сборник из истории старообрядства*, опрас. Н.И. Попов, Moskwa 1864, s. 159–161.

Влияние староверов в высших кругах общества опиралось на огромные материальные возможности. Вскоре после смерти Ковылина происходили выборы в попечительский совет Преображенского общества. Л.И. Осипов ратовал за допущение в число кандидатов федосеевцев, вступивших в брак после прихода в общину – новоженев. Осипову и его сторонникам Попечительский Совет отказал. Новожены подали на Совет в суд, так как формально нарушался устав богаделенного дома, утвержденный Александром I. Судебное следствие и судебные заседания длились до 1818 г., затем дело передали в Сенат, который, вопреки российскому законодательству, «решил в утвердительном смысле ... не в пользу сторонников Осипова». Это решение, как и все дело в целом, обеспечили связи и контакты видных федосеевских предпринимателей из Петербурга, участвовавших в судах – Е.И. Грачева, П. Зеленкова и И. Кузнецова. Но обошлось это решение Сената очень дорого. «Есть еще некоторые у федосеевцев личности, – писал наблюдатель много позже, – достигшие глубокой старости, которые передают слух такого рода, что железный сундук (кладбищенская казна – В.К.) понес в то время убытку до 7 млн. руб.».⁴⁰

Имелись у староверов выходы и в другие высшие органы власти. Сами староверы знали, что их попечители Гучков, Грачев и другие деловые люди – «сущие христиане», т.е. ревностные старообрядцы, но «им графы и князья-то все друзья, и с министрами-то они «за ручку»».⁴¹ Даже руководители Москвы, в том числе генерал-губернатор кн. А.Г. Щербатов, неоднократно проявляли благосклонность к староверам. Щербатов как-то передал через Гучкова настоятелю Преображенки С. Козьмину: «Живите друзья мои тихо и спокойно, но я вам покровитель; буде кто станет обижать, то у вас есть Гучков, который мне немедленно донесет и я готов во всякое время вас защитить».⁴² Даже если слова губернатора были приукрашены Гучковым, стремившимся подчеркнуть свое значение для общины, обещания Щербатова вполне откровенны. Москва была не единственным местом, где губернатор проявлял оплаченную благосклонность к старой вере. Еще казанский губернатор А. Волынский, по доносу середины XVIII в., «не сообщал сведений о скитах».⁴³ Князь Щербатов бывал в гостях и у руководителей Рогожской общины – Морозовых.⁴⁴ В начале XIX в. олонецкий губернатор неоднократно приезжал на Выг. «Новопоставленный» губернатор считал необходимым приехать после назначения: «...был у нас на Лексы, – отметил под 1821 г. Выгорецкий летописец, – вечерню стоял». Приезжали гражданский губернатор («молебен и часы стоял»), губернский прокурор и другие чиновники губернского уровня.⁴⁵ По просьбе настоятеля одного из иргизских старообрядческих скитов В. Злобин организовал при помощи саратовского губернатора перенос ярмарки из Никольского побли-

⁴⁰ Сборник правительственных сведений..., wyd. 1, s. 38–42; Ф.Д. Круглов, Первые деятели Федосеевского кладбища и их ажеучение. Исторический рассказ из жизни Федосеевцев обратившиеся их раскола, Moskwa 1887, s. 96–97, 100.

⁴¹ Ф.Д. Круглов, Первые деятели Преображенского кладбища..., s. 85, 97, 100.

⁴² Дневные дозорные записи..., s. 18.

⁴³ С. Введенский, Исторический очерк раскола старообрядчества и сектантства в Симбирской губернии..., Symbirsk 1907, s. 8.

⁴⁴ ОР РГБ, zesp. 322, inw. 41, sygn. 12, k. 27.

⁴⁵ Сборник правительственных сведений..., wyd. 4, s. 162, 164, 166 i in.

же к скиту.⁴⁶

1884 г. на церемонии вручения медалей старообрядцам, участвовавшим в охране Александра III, присутствовали все московские власти, включая генерал-губернатора и обер-полицеймейстера. О. Павел, один из руководителей миссионерского антистарообрядческого братства, писал Н.С. Субботину по этому поводу: «И подумал я: пришли ковылинские времена».⁴⁷

Такое отношение к «добровольным» воздаяниям чиновникам, нелюбимым старообрядцами, по данным МВД, «за притеснение и лихоимство»⁴⁸, получило свое идейно-конфессиональное обоснование, еще более полно раскрывающее цели старообрядческого предпринимательства. Внутренняя коррупция строго осуждалась, запрещалось делать что-либо для своих «христиан» «за дары»⁴⁹ и т.д. Подношения нестарообрядцам без повода также были запрещены в старой вере («Внешним подарков... без нужды не носить»), другое дело – для спасения и сохранения старообрядческих общин.

Старообрядцы, в частности федосеевцы, не различали налоги и взятки, объединяя их, в понятие «дань». Они объясняли что дань можно давать и нечестивым, но именно за сохранение веры: «за что даем дань – не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попущению святого Бога. Дабы никто не имел на нас гнева, во еже до конца обидети: аще требует враг злата – дадите, аще ризу – дадите, аще почести – дадите, аще веру хочет отъяти – мужайтесь всячески. Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на муку, или бы не заточил в незанятое место... Сам Владыко бежа от Ирода во Египет и в Кормчей правила повелелвают давати злата и тем избежати муки; неповинна творит давшего, а речет: лучше изволи погубити злато, нежели душу. ...не точию злато погубили, но милость Божию получили...».⁵⁰

Поморцы приводили эти же цитаты из Евангелия от Матфея и толкования к ним из Благовестника и других сборников – «по Христовой заповеди даем гонителю злато и почесть, чтобы не обрел болши того притчу к мучительству».⁵¹

В других соглашениях воспроизводились те же тезисы. «Дань» властям предписывалась документом поповцев, изъятом полицией в Ярославской губернии: «деньгами откупающихся не винословить. Аще враг требует злата – дадите, аще почести – дадите», но подкуп оправдывался только тогда, «коль скоро, – комментировал чиновник МВД, – дело касается личности или веры их».⁵² «Деньгами же откупающихся не винословити» – повторяли филипповцы. «Сто статей московских поморского соглашения» вторили: «В покорении царем пребывающих не винословити; зане и Христос Бог Св. Петру за себя и за него повеле дань воздати», дань «сугубо содержания ради нужна древнего благочестия».⁵³ Часовенные принимали на соборах «суждения», чтобы «Власть земную не оскорблять, но... дары им

⁴⁶ П. Любопытный, *Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе...*, s. 133.

⁴⁷ В.С. Марков, *К истории раскола-старообрядчества...*, s. 376.

⁴⁸ *Сборник правительственных сведений о раскольниках*, wyd. 4, s. 137.

⁴⁹ *Духовная литература староверов Востока России XVII–XX вв.*, Nowosybirsk 1999, s. 460.

⁵⁰ *Сборник правительственных сведений о раскольниках*, wyd. 4, s. 232–233.

⁵¹ *Духовная литература староверов Востока России...*, s. 404.

⁵² *Сборник правительственных сведений о раскольниках*, wyd. 4, s. 161–162.

⁵³ Там же, s. 206.

приносить, дабы тихо и безмолвно житие проживем».⁵⁴

Система коррупционной защиты от притеснений властей, доказав свою эффективность, позволила староверам в начале XIX в. перейти от цели раннего периода – «спасения древнего благочестия» – к выполнению новой задачи – «возрождению веры». Было достигнуто не только расширение старообрядческого сообщества, но и развитие отечественного предпринимательства, вклад в которое старообрядцев высоко оценивается в исторической литературе. В отличие от современности, коррупция, использовавшаяся в XVIII – первой половине XIX вв. старообрядцами, хотя и выводила значительные средства из хозяйственного оборота, не тормозила экономическое развитие, но, наоборот, способствовала ему.

Защитно-коррупционные функции старообрядческого предпринимательства ослабевали в периоды снижения нажима на старую веру и практически сошли на нет после Указа об укреплении основ веротерпимости 17 апреля 1905 г. Российские власти так и не смогли ликвидировать старообрядчество, хотя такие задачи ставились. Взаимоотношения старообрядцев с конкретными представителями органов центральной и местной власти, развивавшиеся в рамках коррупционной системы, обеспечили неэффективное исполнение или неисполнение законов и предписаний. В данном случае российская коррупция выполняла важнейшие медиативные функции, сглаживая промахи и отрицательные стороны политики государства, что относится и к борьбе со старообрядчеством. Эта безуспешная борьба, не всегда результативные преследования и репрессии во многом явились фактором складывания в XVIII – первой половине XIX в. специфического отношения староверов к бюрократии. Оно характеризовалось тем большими «презрением» и «нелюбовью», чем больше «дани» приходилось выплачивать чиновникам, «благосклонно» принимавшим, а часто – вымогавшим все новые подарки и «приношения».

⁵⁴ Духовная литература староверов Востока России..., с. 333.

Streszczenie

Walery Wsiewołodowicz Kierow

Przedsiębiorcy – staroobrzędowcy a łapówkarstwo w Rosji XIX wieku: element urzędowej obyczajowości czy skorumpowanie społeczeństwa?

Stosunki wzajemne staroobrzędowców z konkretnymi przedstawicielami organów centralnej i terenowej władzy, rozwijające się w ramach systemu korupcyjnego, gwarantowały nieefektywne wykonywanie praw i przepisów wymierzonych w starowierstwo. W tym przypadku rosyjska korupcja wypełniała istotne funkcje mediacyjne, łagodząc całe przedsięwzięcia i negatywne strony polityki państwa, co dotyczyło także walki ze starowierstwem. Ta pozbawiona sukcesów walka, nie zawsze skuteczne prześladowania i represje pod wieloma względami były czynnikiem formowania się w XVIII, XIX i na pocz. XX wieku specyficznego stosunku staroobrzędowców do biurokracji. Stosunek ten charakteryzował się tym większą pogardą i niechęcią, im większe daniny trzeba było wypłacać urzędnikom, łaskawie przyjmującym, a często – wymuszającym coraz to nowe prezenty i wynagrodzenia. Obronno-korupcyjne funkcje przedsiębiorczości staroobrzędowców słabły w okresach zmniejszenia nacisku na ich wyznanie a praktycznie zanikły po wydaniu Ukazu o wzmocnieniu podstaw tolerancji religijnej z 17 kwietnia 1905 r. Tak więc władze rosyjskie nie zdołały zlikwidować starowierstwa, chociaż stawały to sobie za cel przez wiele lat.

Summary

Valeryi Vsevolodovich Kerov

Businessesman – oldbelievers (starovertsy) and corruption in Russia the nineteenth century: element of official customs or the corruption of society?

Relationship Oldbelievers with the concrete representatives of central and local government, developed within the frame corrupt system, provided inefficient execution or not of the laws and regulations. In this case, Russian corruption play important mediation functions, smoothing failures and negative aspects of state policy, which applies to the fight with the Oldbelievers. This unsuccessful struggle, not always productive prosecution and repression in many ways were a factor in the folding in XVIII – first half of XIX century specific relation Oldbelievers to the bureaucracy. It was characterized by greater "contempt" and "dislike", the more "tribute" had to pay officials 'favor' takes, and often extorted – everything new gifts and "offerings". Protective function of the Oldbeliever corruption business weakened during reducing pressure on the Oldbelievers and practically disappeared after Decree on strengthening the foundations of tolerance April 17, 1905. Russian authorities have not been able to eliminate the Oldbelievers, although such the problem is formulated.

